НОЯБРЬ 1927 г. № 45 ЦЕНА 15 КОП.

МОЩНЫЕ ФОНТАНЫ

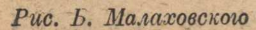
Рис. М. Черемных

РЕПОРТЕР: — Вы считаете, сэр Генри, эти фонтаны мощными?
ДЕТЕРДИНГ: — О, да!.. Десять лет взять не можем!..

БЕСЕДА „ПО-АНГЛИЙСКИ“

„Неужели две нации,—Англия и Америка,—говорящие по-английски, смогут поднять оружие друг против друга?

Из заграничных газет.

Рис. Б. Малаховского

АНГЛИЧАНИН:—И мы говорим „по английски“!

АМЕРИКАНЕЦ:— Мы говорим „по-английски“!

ДИПЛОМАТИЯ

Румынский посол в Париже пойман с поличным при попытке украсть документы из военного министерства. Посланник будет отозван.

Из газет.

ГОСПОДИН министр, новый румынский посланник Ширмаческу явился с визитом.

— Ага! Просите, просите, вот я сейчас уберу эти бумаги и приму его... Ах, вы уже здесь, дорогой господин посланник, очень, очень приятно!.. Прошу, садитесь... Зачем же к письменному столу? Там на диване было бы удобнее... Ну, сели, так сели. Благодарю вас, президент — ничего себе, здоров. Что ему сделается? Живет помаленьку... Вам мешают, наверное, эти бумаги, что перед вами, разрешите, я их... Ах, вы уже отодвинули?! Ну, зачем же самому... Хотя вы не все бумаги отодвинули. А вот еще у вас под рукавом... Вот, тот кончик высовывается... Давайте ее сюда, бумажку... Давайте, давайте, не стесняйтесь... Ну-с, а как здоровье вашего короля? Славный такой бутуз — ваш король... Я все собираюсь игрушек купить его величеству, да некогда как-то, знаете, дела, министерство, выступления в палате... Ах, какой вы неловкий! Уронили папку... Да я подберу, подберу, не беспокойтесь... Ну, спасибо вам. Все? Нет, не все. А вон у вас в кармане бумажечка застряла. Ну, да. Теперь — все. Так. А что у вас слышно с Англией? Мне кто-то говорил, что Чемберлен опять предлагает вам какое-то окружение, заем дать обещается... Вы ему не верьте. Он хотя и большой мой друг, но, между нами говоря, такая сволочь — ни одному слову его нельзя верить... Позвольте, куда это вы руку дели? Позво-ольте! Я же хорошо помню: только что у вас было две руки, а теперь — одна... Ах'выньте, выньте вы руку из корзины! Туда бог знает что только не кладется, всякий мусор... Ну, что вы не можете посидеть спокойно... Катитесь отсюда!.. Ладно, ладно, проживет президент и без ваших пожеланий!.. Ушел .. Вот мука, ей богу. После захвата Бессарабии эти румыны прямо на ходу подметки норовят срезать... Господин секретарь! Дайте-ка мне проект таможенного соглашения. Какого, какого... С Венгрией, вот какого... Не у вас? Верно! Где-то оно тут у меня лежало... Тут? Нет... Может быть, тут?.. Тоже нет. Посмотрите-ка в этой папке—нет? И там — нет? Нет? Ну, ясно: опять румын упер! Раз так, отзывайте его к чортовой матери! Отзывайте, отзывайте скорее, пока он еще чего-нибудь не уволок! И что это за такая проклятая нация, право??!!

В. Ардов

КОМАРИНАЯ ЛЮБОВЬ

Ах, что происходит! Якира-мара!
В явленьи каждом смысл ищи:
У комара в гостях комàра
Хлебала кровяные щи.

Комарик говорил, захлебывался страстно:
„Ужель напрасно о любви твержу я?
Комарочка, вы помните прекрасно,—
Мы ночью встретились на лбу буржуя.

Убеждения соединили нас,—
Я сразу оценил свою подружку,—
Сначала сели мы на ананас,
А потом перетянулись на его подушку.

Вы помните,— мы напились у брови,
И пробили часы: раз... два...
И вот, отяжелевшие от жирной крови,
Мы вылетели в форточку едва.

С тех пор вы щи едите вкусно,—
Из тех запасов созданный нюанс,—
Но почему же вам так грустно
Слышать о любви моей романс?“

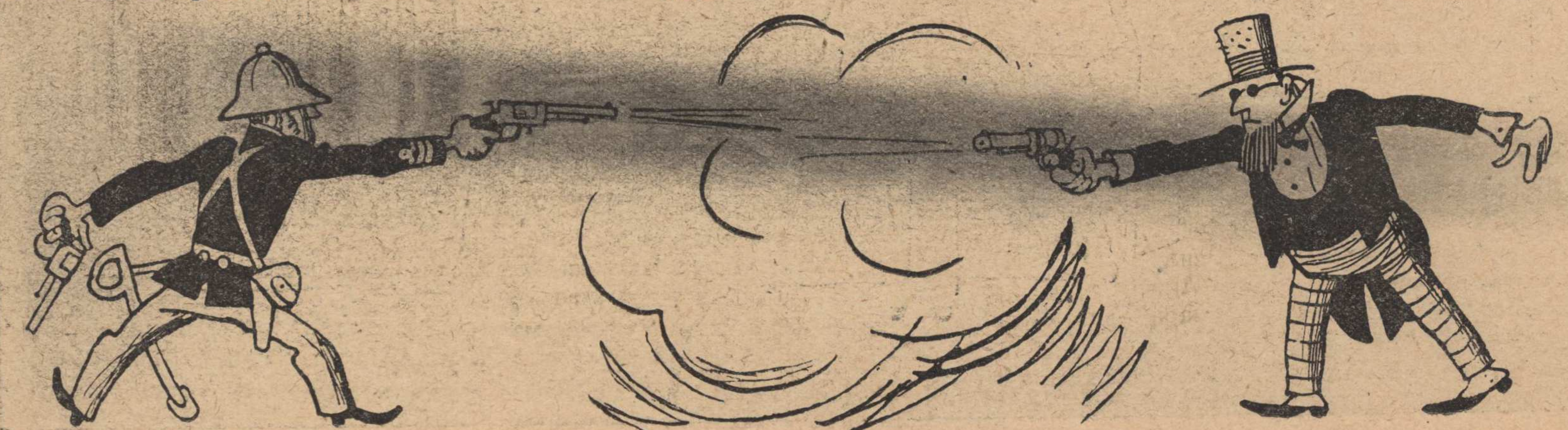
„Я помню все,— ответила комàра,—
Ах, вашей беспартийности терпеть я не могу,—
Рассеять вы должны сомнения кошмара,—
В каком я нахожусь кругу?

Я помню все. Со лба того кретина
Мы полетели, как два революционера,
Но изменилась вдруг идеологическая картина:
Вы, дурак, присели на милиционера!

Кто вы? С кем живу я?
И можете ли быть возлюбленным комарием,
Когда сидите вы, то на буржуе,
То по улице витаете над пролетарием?

И как вам не понять пустых вещей:
Во имя нашего комарного укуса—
Да, я еще хлебать готова щей,
Но щей сознательного вкуса!“

Василий Каменский

— Следовательно, можем и побеседовать!

СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Я написал сказку для детей. Думаю, что это была совсем не плохая сказка. В ней было все, что должно было быть: и заблудившийся мальчик, и добрый, человеческим голосом говорящий медведь, и коварный волк, и сентиментальный заяц, и еще целая кучка всяких зверей и зверюшек.

Первым моим слушателем и критиком был мой восьмилетний племянник Ленька. Затаив дыхание, широко раскрыв свои чудесные глазенки, он жадно слушал, переживал и под конец расплакался под напором переполнивших его наивную душу чувств.

Ленькина критика,— а она была очень немногословна,— чрезвычайно польстила мне.

— Вот — гордо подумал я: — впервые написал для детей, а уже попал в точку.

Я переписал сказку набело и понес по издательствам.

* * *

Заведующий детским отделом популярного по своему ежегодному дефициту издательства бегло посмотрел рукопись, недовольно поморщился и сказал:

— Извиняюсь. Не подойдет.

— Это почему же „не подойдет?“ — обиделся я.

— Видите, — сказал он, закуривая мою папиросу: — сказка совсем не плоха. Мало того, она хороша. Но — он сделал паузу и снова взглянул на рукопись: — нам она безусловно не подходит. У нас, видите, индустриальный подхода, у вас... Вот написали бы о мартеновской печи или о ткацком станке, мы бы взяли... А так... Судите сами! Сейчас, когда социалистическая республика восстанавливает хозяйство...

Он попал на своего любимого конька. Тщетно я пробовал остановить его. В конце концов, я не выдержал и, так ничего и не добившись, вышел из комнаты. Но когда к концу дня я снова заглянул к нему, я наткнулся на незабываемую картину.

Один в пустой комнате он говорил начатую еще утром речь..

* * *

— А ну их к чорту! — решил я: — пойду к частнику.

Частный издатель Прикарманов встретил меня с распростертыми об'ятиями.

— Написали сказку? Вот здорово! Ну, спасибо!

Он с жаром пожал мне руку и углубился в чтение. Первую страницу он прочел с видимым удовольствием; после второй — легкая тень легла на его лицо; после четвертой — он стал мрачен, как человек, у которого только что умерла мать; после пятой,— пятой он так и не дочитал.

— Что вы наделали! — огорченно сказал он, возвращая мне рукопись: — ну, как можно?

— Позвольте,— возмутился я: — разве плохо?..

— В том-то и дело, что хорошо — еще грустней продолжал он: — да что „хорошо“? Отлично написано!

— Но тогда в чем же дело? — удивленно спросил я.

— Как в чем? — спросил он. — В этом самом. Хорошо у вас написано? Хорошо. Литературно? Вполне. Грамотно? Абсолютно. Вот тут-то и зарыта собака. Издаю я грамотные сказки? Нет, не издаю. Нужны они публике? Нет, не нужны. Да, дорогой, издатель Прикарманов — голос его возвысился до пафоса: — издает исключительно безграмотную литературу и из-за вас марки себе портить не станет. Не станет! — повторил он и начал прощаться.

* * *

— Не вышло с госорганами, не вышло и с частником. Пойду в кооперацию, каковая есть путь...— решил я и поехал по нужному адресу.

— С кооперативным приветом! — галантно сказал я какому-то сильно лысому дяде.

— В единении сила! — солидно ответил он.

Мы быстро договорились.

— А скажите,— спросил я на прощание: — долго это у вас с рукописью?...

— Помилуйте,— обиделся он: — у нас, да чтоб долго! Это вам, извините, не Госиздат. У нас — просто, у нас волокиты нет. В два счета вашу книжонку проведем, только, сами понимаете, надо же соблюдать установленный порядок. Вот сейчас — передадим книжку рецензенту. Он прочтет — передаст второму. Затем — читает редактор. Затем — педагог-консультант. Затем — идет на правление. Затем...

— Была не была — решил я.

* * *

Ровно через месяц один из рецензентов обнаружил мелко-буржуазный уклон в малолетнем герое моей сказки. Я охотно выправил этот недопустимый уклон.

Еще через два — редактор предложил переделать конец и закончить все мировой революцией.

Я закончил сказку мировой революцией и пошел об'ясняться с консультантом из педагогов.

Педагог, очевидно, решил всерьез заняться моим воспитанием.

— Звери не говорят и говорить не могут — скрипел он, как старая ручная мельница: — профессор Павлов в своих знаменитых трудах об условных рефлексах доказывает...

Я изгнал из сказки говорящих зверей и старательно выкорчевал последние, еле заметные пеньки мифологии.

* * *

Правление предложило придать моей сказке кооперативно-просветительный характер. Я придал.

* * *

Через полтора года сказка моя, наконец, вышла из печати. И, право, я был доволен. Так или иначе, но из безыдейной с уклонами сказки получилась выдержаннейшая, полезнейшая вещь.

Я прибегнул к испытанному уже методу. Я позвал своего вихрастого Леньку, посадил его на письменный стол и начал читать.

И странное дело: Ленька, впечатлительный, увлекающийся Ленька, еще недавно с таким упоением слушавший меня, этот самый Ленька после первых фраз сделал разлагающую попытку заснуть на моем столе.

Я растолкал его и продолжал читать дальше. Но дочитать мне так и не пришлось. Сорванец улучил минуту и скрылся из моего кабинета.

* * *

Через час я нашел Леньку на чердаке. Забившись куда-то в угол, между старыми сундуками, корзинами и ломаной мебелью, мальчуган с увлечением читал бог весть откуда попавшего на чердак, рваного, затрепанного до нельзя, пожелтевшего от времени Майн-Рида...

И. Свэн

ПЛОХАЯ РЕЗВОСТЬ

Очередной призыв в армию обнаружил, что у большинства физкультурников болезнь сердца.

Рис. Б. Антоновского

— Какие ты ставил рекорды?

— Прыжок в высоту — 130 сантиметров, в длину — 150 сантиметров, а в расширении сердца — 5 сантиметров.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Рисунок Б. Антоновского

„Ему и больно и смешно...“

ВЕЧНОЕ ПЕРО

НА карточках и в журналах, секретарь вика видел, что даже и не у особо ответственных работников из пиджачных карманов всегда торчит какая то загогулинка.

Попав на губернский с'езд, он первым же долгом справился у какого то встречного с загогулинкой:

— Разрешите спросить, а это что за штуковина?

— Вечное перо! — бросил тот на ходу.

— Надоть купить! — решил секретарь. — Вид совсем у мене будет губернского масштабу. Утру нашим партачам нос-то!

Он купил вечное перо, сунул его в карман пиджака и горделиво ходил, выпятив грудь.

— Лицо как-то деликатнее стало с пером-то,— гляделся он в зеркало.— Немного даже на товарища Бухарина ровно смахивать стал!

Через месяц я случайно проезжал через село нашего секретаря волисполкома. Мне надо было выправить подорожную. Вытерев о голик ноги, я вошел в вик.

— А это мы сейчас!— сказал секретарь, оглядев мои бумаги. Он вынул из кармана вечное перо и, обмакнув его в чернильницу, начал писать резолюцию.

— А это у вас, кажется, ведь вечное перо?— спросил я.

— Вечное! — похвастался секретарь. — Месяц уж им пишу и хоть бы что! Раньше ни одного пера больше, чем на три дня, не хватало. Письма у нас много. А это хоть бы что! Ну, да и то сказать золотое! До чего додумались люди! Немцы поди все. А?

Он хитро подмигнул мне, поплевал еще в чернильницу и, обмакивая беспрестанно в чернила вечное перо, дописал предписание о лошадях.

Вл. Владимир

„ВНЕШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ“

Охрипший за день дежурный „об'яснитель“ зоопарка повел 27-ю пионерскую экскурсию и почти от самого входа уныло забубнил:

— Волк,в диком виде, хищный хищник, кусается... Ворона водится в Москве, питается навозом, а у нас ест мясо. Которые невидящие, подойди поближе.

Птица пролетарская... Пингвины, родина ихняя Африка, отсюда не видно, по ому на середке пруда. Не подходите, а то потонете... А это домашние утки, птица мещанская, с'едобная.

— Плавающая речная выдра. Когда плавает — в роде, как рыба, а когда не плавает, в роде — зверь. Разводится для меху, трудящему не доступен. К клетке близко не подходите—прочим не видно.

— Орлы. Мировые хищники, питаются падалью, до революции были также двухглавые, которые пролетариат отсек своей мозолистой рукой.

— Страус, су опутная нелетающая птица. Буржуазная на все 100%, потому из-под хвоста у ней выдергивают перья для шляповых шляп разлагающей буржуазии.

— Товарищ руковод,— пропищал пионер,—у нег под хвостом перьев нет. Она с рогами!

Руковод, об'яснивший, не глядя на экспонаты, обернулся: на лужайке бродили олени.

— Извиняюсь, как они в отлучке, но они придут все-равно... Дальше... Три молодых тигра. Родились в зоопарке...

— А почему их нет?

— Как нет!? Головашкин, выгони тигрят из клетки!

— Они сплять...

— В таком случае — здесь пони, маленькая лошадка, япон...

— А разве лошади бывают с рогами?

— С какими рогами?

— И с бородой...

Пони не было. Обыкновенный козел лениво щипал сено из кормушки. Руковод, не смущаясь, махнул рукой и потащил экскурсию дальше.

— Вот здесь — слон, но его сейчас нет, то есть, он есть, но его за углом не видно, а потому экскурсия об'является законченной

Пионеры поплелись к выходу.

А. Стоврацкий

„ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ“ ПОЭЗИИ

Нынче лирика не в моде,—прованчен стал поэт: о динаме, о заводе пишет ровно десять лет.

Трубы. Дым. Ремни. Машины. Кран. Лебедка. Маховик. Генераторы.

Турбины...

Поэтический язык!

Я — отстал пою рутину. Я — в дурмане грез и роз...

Но теперь — повязку скину и — даешь даешь машину,— дизель или паровоз!

Но—увы!—уже воспеты (не зевай—таков закон!), и измызгали поэты весь машинный лексикон.

Как же быть?! Скоблю плешину...

Ба! Идея! Тут как тут! Я нашел себе машину: буду славить... ундервуд!

Гулик

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Рис. А. Радакова *Текст М. Пустынина*

В брак—из холостого мрака!..
Щеки алы, как морковь...
Все стремятся в „Запись брака“
Регистрировать любовь.

Много пыла. Много жара.
К счастью виден путь прямой...
И за парой томной пара
Собирается домой.

Но спустя две-три минуты—
Недовольство, брань и крик.
И решают брака путы
Разорвать в единый миг.

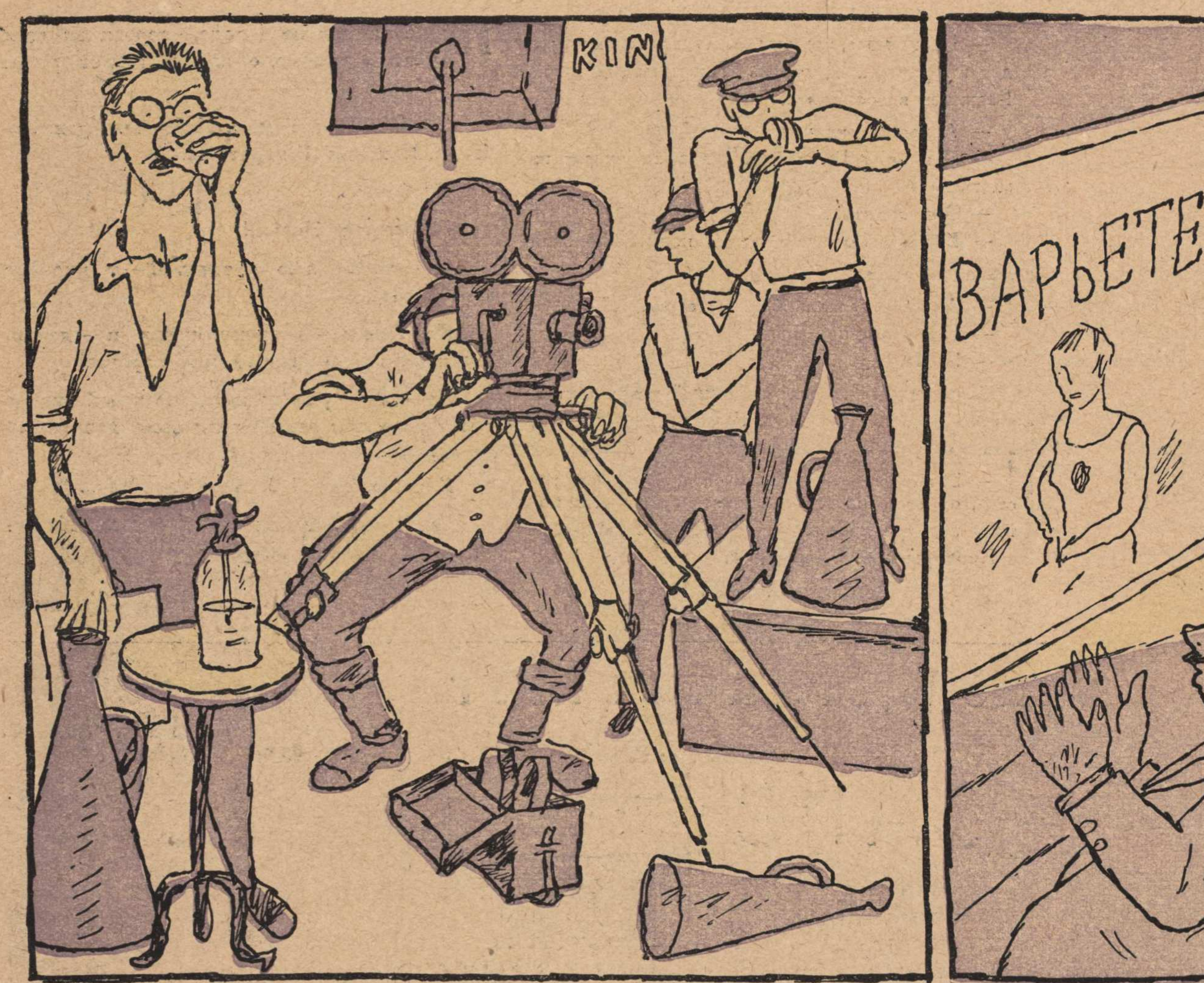
Раз'яренные, как звери,
Все беснуются -и вот:
Прут, ругаясь, пары в двери
С милой надписью „Развод“.

Но... опять смеются пары,
Вновь семейный властен яд,
И, как прежде, брака чары
Призывают и томят...

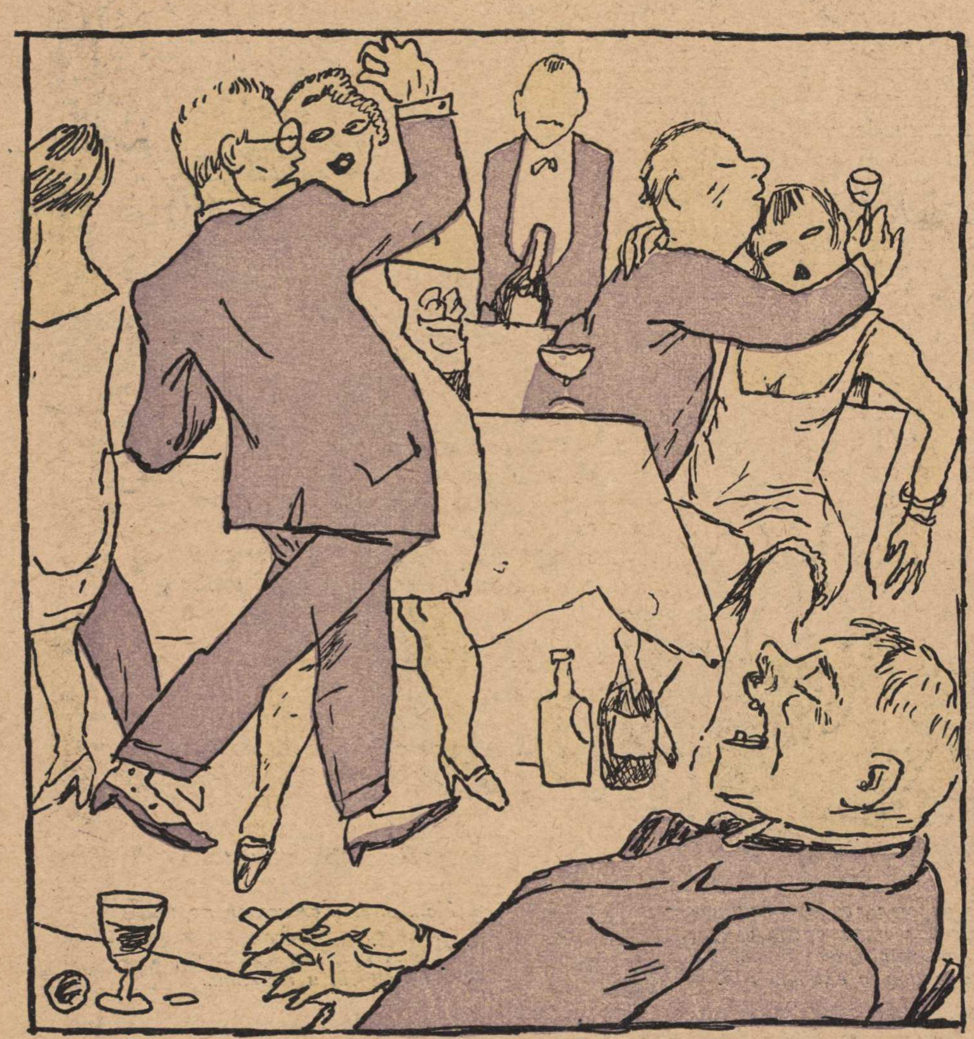
Вздох... Улыбка.—Споры... Драка.
Брако-связь... Брако-развод...
В дверь „Развод“ из двери брака
Вьется вечный хоровод!..

НАШИ ХЛОПОТУНЫ

Рис. И. Малютина

Немецкие режиссеры сначала долго и хлопотливо работают... **а потом демонстрируют „Варьете“.**

А наши режиссеры сначала демонстрируют варьете...

а потом долго и хлопотливо работают...

КНИГА КООП-ГНЕВА

На-днях, как то, в кооперативе я попросил жалобную книгу. Завмаг долго и убедительно отговаривал меня от этого оп сного намерения, искал во всех закоулках запропастившуюся грамоту и, наконец, видя мою неумолимость, сердито сказал:

— Вот она, пишите, пишут тут разные, да чего пишут и сами не знают.

Книга, действительно, оказалась исписанной самыми разнообразными надписями.

В сем кооперативе мне не был отпущен выбранный мной костюм под предлогом, якобы, костюм мне не по мерке, пиджак висит до колен, а в штаны, дескать, можно поместить двоих моей комплекции.

Заявляю протест, как сознательный гражданин и пролетарий, угнетаемый довольно нахальным кооперативным бюрократишкой.

Вышеизложенный, в присутствии моей знакомой барыни, заявил мне:

— Порядочный человек двойной ширины штаны себе не купит, а, наоборот, вы есть безусловно, спекулянт и поставщик акул мирового капитала.

Оные штаны, между прочим, приобретались мной перспективно, имея в виду пополнеть после поездки в Крым, в отпуск.

Мардариев (безработный)

* * *

К пиву хараши крутые яица.

Алкоголик

* * *

Заслушав доклад, касательно момента и опасности наступления капитала и войны, пошел в кооператив купить пудика 3 муки в запасец, каковой не оказалось.

Протестую против такого отношения к обороне.

Никанор Обывателев (гражданин)

* * *

Возмутительное отношение к интересам населения и вообще. За чем смотрит милиция?

Мне—ответственному трудящемуся—не отпустили двадцать фунтов масла.

А еще кооперация! Тьфу!

Косопузов, патент второго.. **зачеркнуто, сверху поправка:**

Товарищ заведующий финотделом комсомола

* * *

Эксплоатация трудящихся в сем магазине. Продавец гастрономического давеча до того запарился, что начал заместо сосиски собственный палец резать.

Наблюдатель

* * *

Граждане, будьте сознательны, не лезьте в икру собственными пальцами.

Администрация

* * *

— А чем же?

Любопытный

* * *

Мой песик Бетти заболел расстройством желудка через вашу колбасу. Прошу прокурора отдать под суд заведующего, без применения амнистии, как получившего первый приз от союза охотников.

* * *

Маруся, купи по дороге ливерной колбасы и бутылку Боржома. Приду в пять...

Друг и брат

Списал: *Бен-Гали*

СВОИ ЛЮДИ

Рис. А. Радакова

Берлинская гостиница Кайзергоф отказалась исполнить распоряжение прусского правительства о снятии монархического флага.

— Наш кабинет министров требует...

— Во-первых, министры находятся сейчас не в вашем кабинете, а в моем. А во-вторых все их требования исполняют мои лакеи!

СЛАДКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ

Рис. Н. Радлова

— Неужто, родимый, больше двух килов сахару не отпустишь?
— Да бери его, сколько хочешь!
— Сколько хочешь?! Ну, давай полфунта, что-ли.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ

Мешают уличному движению затягивающиеся ремонты мостовых. Проезды закрыты по полгода...

(Из газет).

Не говори, мой друг, что прост и скучен быт
(Дрова да управдом, талоны, ссоры, примус)—
О, нет! Еще мечте большой простор открыт,
Еще романтики в быту обильна примесь!

Пройдись по городу! Пройдись, как гость случайный,
Как будто в первый раз попал ты в город свой,
И обнаружатся пленительные тайны,
Романтика — на улице простой!

Смотри по сторонам! Как-будто все в порядке...
И вдруг увидишь ты: стоят на мостовой
Крестообразные тяжелые рогатки...
Решетчатый фонарь бросает отблеск свой!

К рогаткам ты спешишь. Там старый сторож спит...
Летает тихий снег. Все тихо. Непробудно...
И надпись на доске, что здесь проезд закрыт..
Остановись—молчи! Томись мечтою чудной...

И вспоминай:—Ого! — Как сторож поседел...
То старость или снег? Как он храпит уныло...
И вспоминай: — Ого! Он и вчера сидел,
И в прошлом месяце все точно так же было!

И вспоминай: — Ну да! Позвольте... Прошлый год...
Да... То же самое... На этом самом месте...
Рогатка и фонарь... Снежинок тихий лет...
Пять лет тому назад... А может-быть и двести!

Рогатка и фонарь... Плакат: „Проезд закрыт".
Кем жизнь тут начата и кем она забыта?
Ну вот и говори, что прост и скучен быт!
Ну вот и говори, что нету тайн у быта!

Я сторожа коснусь сейчас рукой несмелой,
Но как-то страшно мне. И нехватает сил.
Тут времена стоят. Тут жизнь окаменела.
Проезд закрыт. А кто его закрыл?

Где закрыватель тот? В каких местах еще
Рогатки ставит он и сразу забывает?
Снег падает, лежит, весною бурно тает,
И никнет сторожа дремучее плечо.

Смотрю я на фонарь... В каком столетьи это?
Рогатка и фонарь и тени длинный крест...
Я молод или стар? Молчанье, нет ответа...
Я молод, чорт возьми! Откройте мне проезд!

Зубило

ПЕДАНТ

Аристархов остановился около книжной витрины и стал разглядывать последние новинки. Он поддернул очки на нос и с изумлением прочитал заглавие одной тощей книжки:

Стихотворения Ивана Снежина.
Издание десятое.

— Ого-го! — загоготал он по-гусиному.— Десятое издание! Значит, увражик этот читательный! И имя автора мне совсем, совсем неизвестно. Десятое издание, да это, по нынешним временам, о-го-го-го-го!

Семьдесят копеек серебром и медью, заплаченные Аристарховым, почти соответствовали весу купленных „Стихотворений Ивана Снежина".

Дома Аристархов просмотрел несколько стихотворений и в ужасе отбросил книжку.

— Да это же галиматья?! Рифмует „кооператив" и „тиф"! Стихи о какой-то дурацкой Изольде! И это расходится десятым изданием?! Вот до чего пали нынешние вкусы! Александр Сергеевич Пушкин, слышишь ли ты?!

Аристархов схватил книжонку и пошел в столовую, где его многочисленная семья пила чай.

— Эй вы, молодежь! — крикнул он, потрясая стихами Снежина. — Как вам не совестно раскупать такие произведения?! А ведь, кто, как не молодежь, любит стихи! Да, дожили, полное падение вкуса! Вот послушайте, что он здесь пишет.

И он зачитал наиболее дикие строки.

— Я даже извиняю автора! — громил он дальше.— Автор по-своему искренен и не его вина, что он ушиблен мамкой в детстве, но публика, раскупающая до десятого издания этакие фолианты... и затем какое издательство издало их? Конечно, по протекции, по знакомству. Принес записку, вот и издали. Не все ли равно? Эх, читатели вы, издатели! Одно слово — горе гореванное!

Ложась спать, Аристархов забросил стихи Снежина в самый дальний угол шкафа.

— Снежин, Снежин?—говорил он жене. — Он-то, может, парень и ничего. Думал мир потрясти, ему еще, может, лет 10 грамоте учиться надо, но вот, читатели, издатели...

Он махнул рукой и не заглянул на последнюю страничку „Стихотворений", где среди „замеченных опечаток" значилось:

Напечатано:	Следует читать:
Издание десятое.	Издание автора.

Вл. Тоболяков

— Почему Чемберлен стоит на голове?
— Это потому, что в таком положении его еще никто не рисовал.

Рис. Ю. Г.

ЖЕРТВА СЕНСАЦИИ

Алло! Алло! Ч-чорт!.. Не перебивайте, станция!.. Вы слушаете?

— Слушаю,— сказал я.

— Слышали новость?

— Конечно, слышал.

— А что вы слышали?

— Слышал об отозвании тов. Раковского из Пари...

— Эх вы, шляпа! А известно ли вам, что Капабланка проиграл Алехину одиннадцатую партию?

— Что вы скажете?

— Скажу: здорово.

— Ага! Я что говорил!.. Вот, попомните мое слово, Алехин из вашего Капы кашу сделает!..

Я повесил трубку.

Звонил Кудесников. Я, признаться, никогда не ожидал от него такой шахматной прыти. Насколько мне помнилось, никогда не видел его за шахматами. Тем не менее, с самого начала матча на первенство в мире Кудесников не спал по ночам, звонил в редакции газет и заговаривал в трамвае с незнакомыми людьми.

Через двадцать минут после звонка, ко мне ворвался сам Кудесников. Шляпа его с'ехала на бок. Галстук висел под мятым воротничком как веревка повешенного. Глаза неистово сверкали.

— Ох!— закричал он,— валясь на диван,— ох, не могу! Это ж прямо-таки разгром! Он снимает с чемпиона штаны, этот Алехин!. И кто-бы мог подумать! А?.. А?!.. Это же феерия! Вулкан!.. А я говорил! Я говорил!..

— Что вы говорили? Когда вы говорили?— с отвращением спросил я.

— Как же! — сухо сказал Кудесников,— я с самого начала заявил, что Капабланке не сдобровать. Все слышали.

— Никто не слышал.

— Ах, никто? Такое отношение? Пожа-алуйста! В таком случае, идем пари, что Алехин раздавит вашего жалкого индуса Капабланку, как котенка.

— Хорошо. Чорт с вами, Кудесников. Заключаем пари. На зло вам держу за Капабланку. На дюжину пива.

Мы ударили по рукам.

На другой день звонок моего телефона бешено затрещал.

Из трубки долго сыпался наглый, торжествующий хохот Кудесникова.

— Слышали?— спросил, наконец, Кудесников, задыхаясь.

— Слышал,— сказал я,— Алехин выиграл двенадцатую партию.

— А?!— закричал Кудесников,— А?! Ведь это же циклопический вихрь! Землетрясение!! Недаром я говорил...

Я в сильнейшем раздражении повесил трубку.

* * *

Матч приближался к концу. В далекой Аргентине, обливаясь потом, сражались два гиганта шахматной мысли.

А в Москве от знакомого к знакомому бегал Кудесников, разражаясь демоническим хохотом, сбивая на пути тихих старушек и инвалидов империалистической бойни.

Перед самым концом матча у меня собралась группа приятелей, об'единенных горячей любовью к шахматам.

Снова „ферзевой гамбит“, „индийская защита“, „ладейный эндшпиль“ и „проходная пешка“—склонялись в единственном и множественном числе.

В комнату ворвался Кудесников. Он, хихикая, сел на подоконник и иронически слушал мнения собравшихся.

— Положение Алехина затруднительно,— сказал я, глядя на доску.— Проходная пешка...

— Какая там проходная! — раздался вдруг голос Кудесникова,— не сдобровать вашему малайцу Капабланке. Алехин возьмет вдруг да и выведет ее в дамки и тогда...

Наступило гробовое молчание. Кудесников осекся.

— Это в какие же дамки? — ледяным тоном спросил я.

— Как в какие? В обыкновенные!

— А известно ли вам, Кудесников, в какую игру играют ненавистный вам индус Капабланка и ваш любимчик Алехин?

— В ш-шаш-ки.

— Ах, в шашки? — мягко сказал я,— оч-чень хорошо. Пошел вон!

Кудесников кисло улыбнулся.

— Смешно мне это, товарищи,— сказал он.

* * *

По слухам, Кудесников всем своим существом углубился в отчеты о работе всемирного конгресса по судебной медицине.

Евг. Петров

ПАРАД КРЕДИТОРОВ

Рис. Б. Ефимова

— **Сколько у Франции кредиторов?**
— **И не говорите; имя им — легион.**

...Во Франции чествовали американских легионеров.
...Америка требует у Франции уплаты долгов.

Рис. А. Радакова

Заявляем открыто и прямо:
(Что нам недругов уколы и придирки?)
Отныне расширяется „Смехача" программа:
Он будет заглядывать в кино, и в театры, и в цирки!
С кино, театром, цирком провозглашая смычку,
„Смехач" с этого номера открывает специальную,
Чрезвычайно интересную, страничку:
Кино-цирко-театральную!

Невесело живется зрителю провинциальному и московскому,
И об этом мы поведаем всему читательскому миру:
Драматург кричит: „Назад к Островскому!"
А зритель орет: „Назад к кассиру!"
Если режиссер не в меру мейерхольдовать
И ставит пьесу заумно, непонятно,—
Мы яростно крикнем: — „Деньги назад!"
Мы шумно потребуем: — „Деньги обратно!"

Свежую струю — в старый „Мельпомены храм!"
У нас будут великие с театром драки!
Эй, готовьтесь, авторы допотопных драм!
Эй, подтянитесь, беспробудные Аки!
„Смехач" идет! Дрожите, фигуранты и лаборанты,
И вы, актеры, играющие, как сапожники!
Трепещите, балетмейстеры, сценаристы, музыканты,
Постановщики, монтировщики и художники!

ПОСЛЕДНЕЕ УТЕШЕНИЕ

Н. Осинский оценил постановку пьесы „Барсуки" в 4 балла.

Рис. Ю. Г.

РЕЖИССЕР: — Гм... 4 балла!.. Единственное утешение, что статистики часто ошибаются!..

ЭСТРАДНОЕ

— А есть-ли у вас номера, агитирующие за Авиохим?

— Еще-бы! Трио воздушных гимнастов выступает!

* * *

— Я никогда не читаю в газетах о себе рецензий.

— Чтобы не портить нервы?

— Нет, как я почти неграмотный ведь.

РАДИО-ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ПОДХОД

(В школах)

— Какие вы знаете стихи Пушкина?

— „Песнь о широковещательном Олеге".

ДРАМ-ПЕРЕВОДЧИКИ

— А вы с какого языка на какой переводите?

— С любого на суконный!

НЕВЕРОЯТНАЯ БЛУЗА

Сообщают о большом успехе „Синей блузы" в Германии.

Немецкий буржуй: — Странная блуза: цветом она синяя, на самом деле она красная, а носят ее... на руках!

СМЕХАЧ В КИНО

АМЕРИКАНСКИЕ КИНО-ПОГОВОРКИ

От кушетки до звезды — только один шаг.

Отдай кино душу, а тело — кому-нибудь другому.

Без одежки протягивай режиссеру ножки.

ИЗ ОТЧЕТА СОВКИНО

— Эта картина с точки зрения кассы хорошая картина — что же касается идеологии,— получается совсем другая картина!

КАК СТАТЬ СЦЕНАРИСТОМ?

— Как сделаться сценаристом?

— Сделаться сценаристом нельзя, нужно родиться... племянником директора кино-фабрики.

ЧТО НОВОГО У КИНО-ПИСАТЕЛЕЙ?

◆ **И. Малаховер.** Заканчивает оригинальный сценарий из уездной жизни „Братья Карамазовы".

◆ **Д. Машкин.** Продал Совкино три своих новых вещи — „Боярина Оршу", „Евгения Онегина" и „Красного Демона" (из жизни нацменьшинств Кавказа).

◆ **У. У. Прыщиков** совместно с **Н. Н. Танькиным** приступают к многосерийному сценарию „Житие Всеволода Мейерхольда" по Гоголю и др. источникам.

Рис. А. Радакова

КИНО-ОБЖОРЫ

РКИ, обследовавшая работу ряда киноучреждений, обнаружила, что во время съемок непомерно огромные средства тратились на вина и закуски.

Произошла традиций затхлых ломка!
Для „Смехача"—прекраснейшая темка:
Толпа обжор — ужели это съёмка?
Не съёмка,—нет! Скорее это—„Съем-ка!"

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

„Туркменская Искра" (№ 183) кичится знанием классической литературы.

Рисунок, озаглавленный „М. Ю. Лермонтов о Трукменхлопке", сопровождается подписью:

— Отчет подо мною!.. Один и выщине
Стою я у края стремнины...

„Отчет подо мною..."

Жаль только, что этот „отчет" не дала себе редакция, когда приписала Лермонтову стихотворение, автором которого является Пушкин!

✶

В сборнике „Утро" (Ленинград, 1927) проф. Фатов так рекомендует читателям поэтессу Н. Серпинскую:

Стихи Н. Серпинской, данные то в четких, восходящих к Пушкину ритмах, то в свободном, идущем от Блока размере и т. д

А вот эти стихи:

Пусть мировые событья,
Пусть Колчаки и война.
Сейчас могу лишь любить я,
Хотя б расстреляли меня.

Но при чем тут Пушкин и Блок?

Неуклюжие стишата Серпинской — пересказ старинного романса:

Что мне до шумного света,
Что мне друзья и враги?
Было бы сердце согрето
Жаром взаимной любви.

Зря только прах Пушкина тревожите, профессор Фатов.

Предоставьте заниматься этим делом — редакции „Туркменской Искры"!..

✶

Поэт Борис Ковынев („Недра", кн. 9) пишет о деревенских хижинах:

Когда-нибудь я к ним вернусь опять
И принесу глубокие морщины
И буду им попрежнему шептать
Слова любви и нежной матерщины

Не грубая,—„трехэтажная",— а нежная матерщина!

И такой талант Борис Ковынев зарывает в... „Недра"!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Война мышей и лягушек

Деловая переписка между председателем и курьером Наурского (Пятигорского) Райисполкома.

Курьеру. Срочно. Официально. *Предлагаю Вам немедленно убрать уборную при исполкоме. В противном случае последствия не замедлят сказаться.*

Предрика. Официально. *На ваш запрос имею сообщить, что уборка уборной, 1) не входит в круг моих обязанностей, 2) уборной никто не пользуется, а все, кому нужно: ходят во двор.*

Курьеру. Срочно. Официально. *Возвращая обратно Ваше отношение, требую немедленно исполнения моего постановления.*

Просим читателей наших проголосовать, кого следует раньше убрать: председателя Наурского Рика или уборную?

Мерси по-китайски

Письмо в редакцию газеты „Амурская Правда":

Комиссия по устройству вечера в пользу фонда обороны СССР благодарит Посредрабис, пообещавший предоставить бесплатно оркестр, который в результате не только не дал, но увеличил ставку за игру оркестра Х полка с 30 до 36 р. 40 к.

Самый вежливый китайский мандарин и тот деликатнее не напишет!..

Половой протекционизм

Такой термин, в связи с выдвижением женщин, введен в употребление одним очень авторитетным окружным учреждением Сибири. („Советская Сибирь", № 245).

Словарь бюрократических терминов пухнет с каждым днем. Если это учреждение распустит на праздники по домам работниц, представительниц женского пола, то оно, вероятно, такое явление будет именовать „половой распущенностью".

„То академик, то герой..."

Об'явление в газете „Вечерняя Москва":

„Повар первой категории—он же медицинский фельдшер—желает получить место. Стаж (по кулинарии 14 лет, по медицине 6 лет).

Вот это повар! Кушайте на здоровье! На первое—котлета. На второе—клизма. С таким медицинским кулинаром как далеко можно шагнуть в деле народного питания. Нот!

Песни тоски и печали

Одесская газета приводит „Квичи-Квачи"— куплеты, распеваемые неким эстрадником Кругосветовым:

Много войн по Китаю ведется,
Кто не знает—узнать их спешит...
У-Пей-Фу с Чжан-Цзо-Лином дерется..
Чжан-Цзо-Лин на путях Чан-Кай-Ши...
В результате: Фидль-Мидль-Дидль-Дудль...
Ричи-Рачи-Пучи-Тачи-чииряк...
И еще раз Чики-Брики, по сопатке,
Получилось: Квичи-Квачи-кавардак...

Реперткком — Чики-Брики! — запретил эту Квичи-Квачи-чепуху...

Теперь, вероятно, одесский куплетист изменил рефрен песенки:

Фидль-Мидль-Дидль-Дудль
Я спою тайком,
Ричи-Рачи-Пучи-Тачи
Режет реперткком!..
Квичи-Квачи-Пучи-Тачи
Тили-Били-Лом...
Чики-Брики—право слово—
Режет поделом!!

СРЕДИ ЭМИГРАНТОВ

(Послеюбилейное)

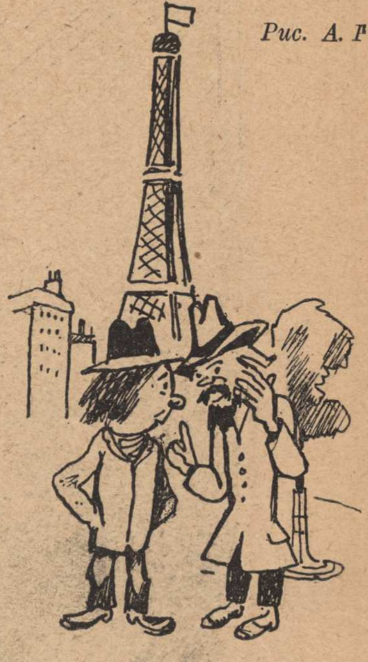

Рис. А. Г

— Попомни мое слово: не пройдет и двух неде...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Днепропетровск.—Хлюдину.

Вы пишете нам:

Имейте терпение дочитать до конца.

Терпение наше истощилось при чтении первых же строчек вашего произведения..

Вот они:

Жуткие слезы листочками розы
Капали девке на грудь.

Над нами не каплет! Обойдемся и без вашего произведения.

Тихвин.—Полевой.

Вторично обращаюсь к Вам. Посылать ли Вам мои вещи?

В ваших вещах мы не нуждаемся. Поговорите с барахольщиком. Не продешевите.

Асхабад.—Ивану Федоровичу.

Если найдете в моем сочинении талант, напечатайте.

С собаками искали... Не нашли... Если при дальнейших поисках ваш талант отыщется, немедленно передадим его в бюро находок уголовного розыска.

Казань.—Перекати-Поле.

Воспроизводим полностью присланный вами анекдот:

— *Что ты, Митрич, с синяком?*
— *Да я, браток, поскользнулся и упал.*

От такого анекдота можно со смеху умереть! А мы еще молоды и жить хотим! Секретарь редакции со смеху животик надорвал. Вызываем скорую помощь. Эх! сколько с вами горя, товарищи казанские юмористы!

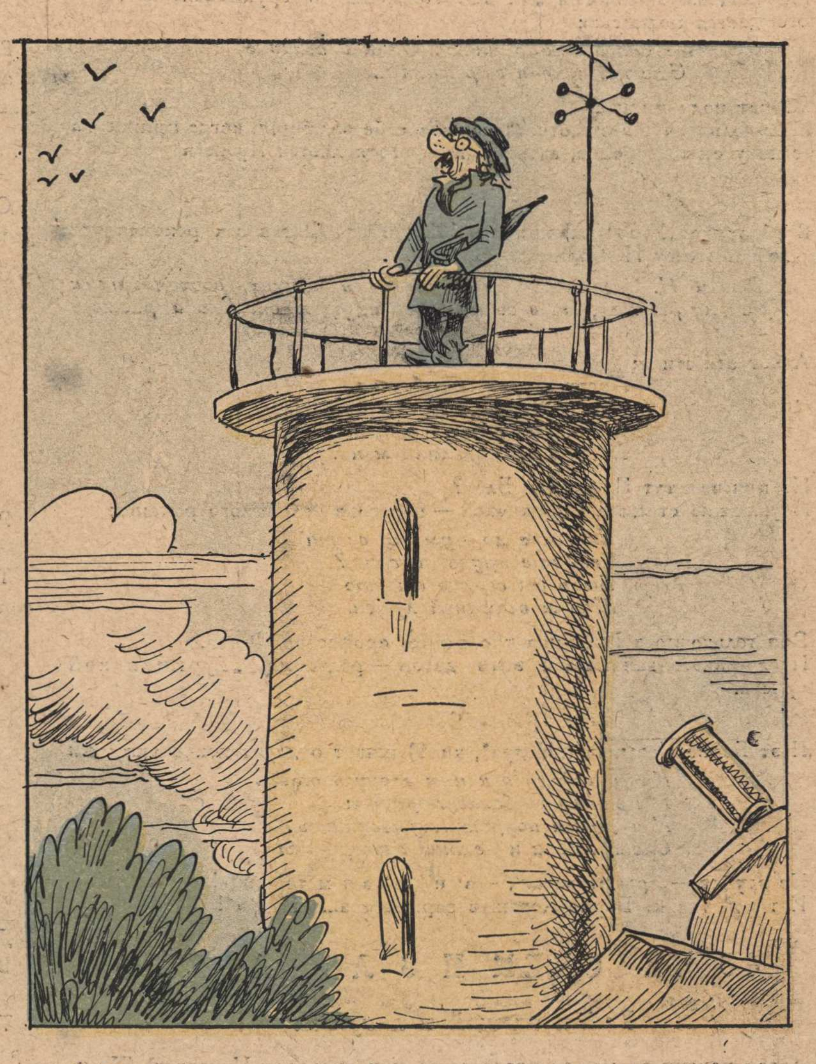
Издатель—«ГУДОК».
Отв. редактор—И. Н. Пирогов.
Главлит № А—1.494 Отпечатано в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграф. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11. Тираж 110.000.

ЕЩЕ ОДНО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ

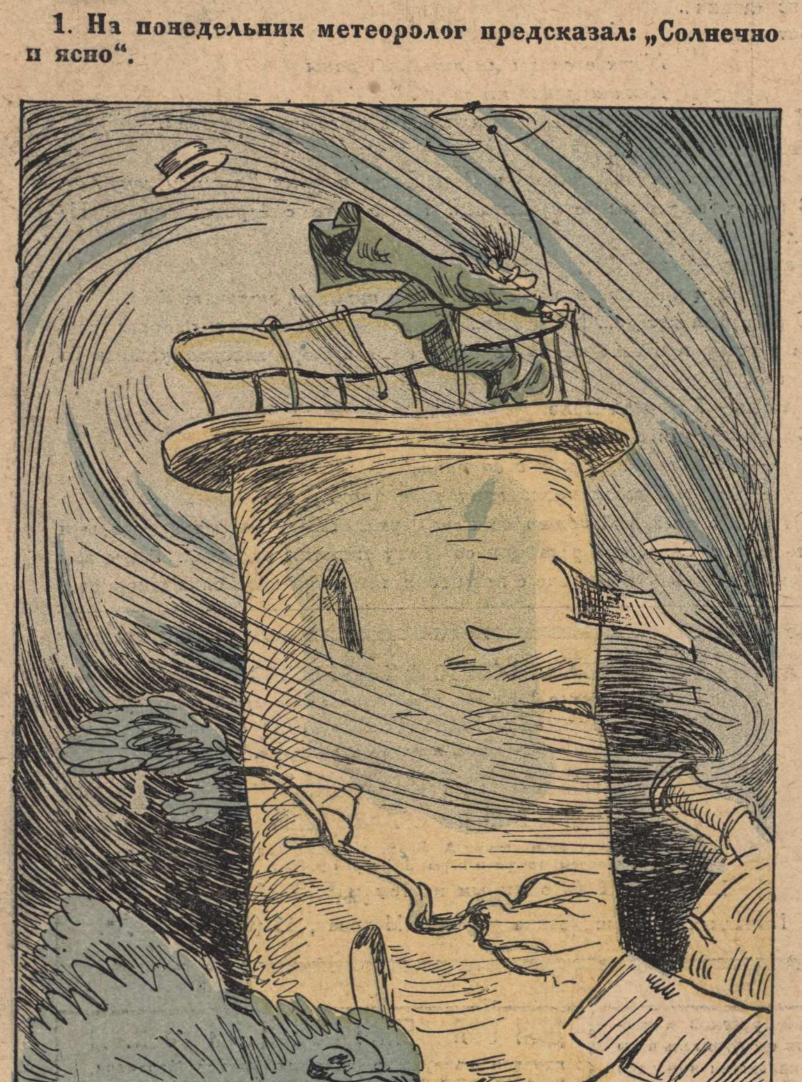
Рис. Б. Антоновского

1. На понедельник метеоролог предсказал: „Солнечно и ясно“.

2. В среду по его наблюдениям дождь должен был лить, как из ведра.

3. В пятницу со всей решительностью предсказал тихую пасмурную погоду.

Снова неожиданность: — снег на голову!